

БЕРНАДИН ЭВАРИСТО

**ДЕВУШКА,
ЖЕНЩИНА,
ИНАЯ**

INSPIRIA

**Москва
2021**

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э14

Bernardine Evaristo
GIRL, WOMAN, OTHER

Copyright © Bernardine Evaristo, 2019

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander
Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Сергея Таска*

Художественное оформление
и иллюстрация на переплете *Юлии Девятовой*

Эваристо, Бернадин.

Э14 Девушка, женщина, иная / Бернадин Эваристо ;
[перевод с английского. С. Э. Таска]. — Москва :
Эксмо, 2021. — 480 с.

ISBN 978-5-04-115908-5

В романе звучит полифония голосов двенадцати очень разных чернокожих британок, чьи жизни оказываются ближе, чем можно было бы предположить. Их истории переплетаются сквозь годы, перед взором читателя проходит череда их друзей, любовников и родных. Эти истории делают заметными и важными жизни людей, о которых мы привыкли не думать.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115908-5

© Таск С., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2021

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Амма

1

Амма

идет по променаду вдоль фарватера, разрезающего ее город, мимо медленно проплывают утренние баржи

слева пешеходный мостик в морском стиле, прогулочная дорожка похожа на палубу, а пилоны на мачты

справа изгиб реки, уходящей на восток мимо моста Ватерлоо в сторону купола собора Святого Павла

забрел рассвет, и еще гуляет ветерок, но скоро город задохнется от жары и испарений

впереди на променаде скрипач играет что-то в меру благодушное

вечером в Национальном театре у Аммы премьера «Последней амазонки из Дагомеи»

* * *

она вспоминает, с чего началась ее театральная карьера

она и ее тогдашняя подружка Доминик прославились тем, что устраивали шоу, оскорблявшие политические вкусы зрителей

актеры натренированными голосами что-то выкрикивали за их спинами и исчезали

они верили в публичный протест, взрывоопасный
и откровенно вызывающий для оппонентов

помнится, она вылила кружку пива на голову режиссеру, у которого полуголые черные женщины бегали по сцене, как идиотки

и дала деру в темные переулки Хаммерсмита
с воплями

маргинал Амма десятилетиями закидывала ручными гранатами истеблишмент, который ее отверг

пока мейнстрим не начал воспринимать то, что ранее казалось радикальным, и у нее не появилась надежда найти в нем свое место

случилось это, лишь когда три года назад Национальный театр впервые возглавила женщина-худрук

после бесконечных вежливых отказов от ее предшественников однажды утром в понедельник сразу после завтрака, когда впереди не маячило ничего, кроме теледрам в интернете, раздался звонок

мне понравилась пьеса, хотим ее поставить, не хотите выступить заодно и режиссером? я понимаю, что свалилась как снег на голову, но, может, выберетесь к нам на чашечку кофе на неделе?

приближаясь к серому холодному арт-комплексу в стиле брутализма, Амма делает глоток американо с привычной добавкой кое-чего покрепче

по крайней мере в наши дни как-то пытаются оживить эти похожие на бункеры бетонные строения неоновыми лампочками, а сам арт-комплекс заслужил репутацию скорее прогрессивного, чем традиционалистского

в тот приснопамятный день она ожидала, что едва переступит порог, как ее выгонят взащей, это было время, когда в театр приходили во всем блеске

а на людей в затрапезе смотрели с осуждением
сегодня она ждет на свою пьесу любознательных зрителей, а в чем они придут, ей до фени, сама одета в стиле «идите лесом», хотя с годами ее прикид претерпел изменения, что правда, то правда: ушли вечные джинсовые брюки, берет Че Гевары, палестинский шарфик на шее и непременный значок с двумя соединившимися женскими символами (эта девушка ничего не скрывает)

теперь она зимой носит серебристые или позолоченные кроссовки, а летом безотказную обувь от «Биркин»

зимой — черные слаксы, мешковатые или в обтяжку в зависимости от того, какой у нее в данный момент размер, двенадцатый или четырнадцатый, и топ размером поменьше

летом — гаремные узорчатые шаровары под коленку

зимой — яркие асимметричные рубашки, джемперы, пиджаки, куртки

и круглый год — обесцвеченные короткие дреды, торчащие, как свечи на именинном торте

в ушах большие серебряные серьги, массивные африканские браслеты, розовая помада

ее неувядаемый особый почерк

Язз

недавно высказавшаяся о ее стиле, — мам, так выглядят сумасшедшие старухи, — уговаривает ее закупаться в «Марксе и Спенсере», как все нормальные матери, и делает вид, что она не имеет к ней никакого отношения, когда они идут по улице вместе

Язз отлично знает, что Амма никогда не будет нормальной, тем более ей всего пятьдесят с гаком, еще не старая, хотя попробуйте это объяснить девятнадцатилет-

ней, но в любом случае старение — это не то, чего надо стесняться

тем более, когда все человечество состарилось

хотя иногда складывается впечатление, что среди своих друзей она одна готова отмечать приход старости это ведь большая удача — не умереть досрочно, — говорит она им, пока ночь сгущается вокруг кухонного стола в ее уютном домике с верандой в районе Брикстона

все наворачивают принесенную ими еду: тушеный турецкий горошек, цыпленок в ямайском маринаде, греческий салат, карри из чечевицы, жареные овощи, марокканский ягненок, рис с шафраном, салат из свеклы и листовой капусты, африканский рис с лебедой и паста без растительного белка для особо раздражающих приверед

все подливают себе вина, водочки (меньше калорий) или чего-то безвредного для печени, как прописал врач

она ждет одобрений, дескать, бросает вызов модному брюзжанию по поводу надвигающейся старости, но вместо этого встречает озадаченные улыбки и недоуменные вопросы: а как насчет обострения артрита, потери памяти и приливов горячего пота, сопровождающих менопаузу?

Амма проходит мимо юной уличной музыкантши

она одаривает девушку ободряющей улыбкой, которая отвечает тем же

она выуживает несколько монет и кладет их в раскрытый футляр от скрипки

пока не готовая отказаться от курева, она облакачивается на парапет и зажигает сигаретку, ненавидя себя за это

в юности реклама объясняла ее поколению, что с сигаретой в зубах они будут выглядеть взрослыми, гламур-

ными, могущественными, умными, желанными и, главное, классными

и никто им не сказал, что это их погубит

она смотрит на реку, чувствуя, как теплый дымок спускается в пищевод и успокаивает нервы в споре с выбросом адреналина, чему поспособствовал кофеин

сорок лет театральных премьер, и она все еще держится

что, если ее заклюют критики? отвергнут консенсусом третьестепенных рецензий? о чем только думал великий Национальный театр, распахивая дверь перед никчемной самозванкой?

самозванка, ха, а кто написал пятнадцать пьес и поставил больше сорока; как сказал о ней один критик, Амма Бонсу — надежный партнер, умеющий брать на себя риски

что, если зрители, принявшие спектакль на предпремьерном показе стоячей овацией, сделали это по доброте душевной?

слушай, Амма, заткнись, ты же бой-баба со стажем, забыла?

смотри

у тебя фантастический кастинг: шесть старых актрис (прожженные ветераны), шесть делающих карьеру (пока скорее борются за выживание) и три начинающих (наивные претендентки), одна из которых, талантливая Симона, ходила на репетициях с глазами на мокром месте, так как дома не выключила утюг, или оставила работающей плиту, или забыла закрыть окно в спальне, и тратила драгоценное время на панические звонки сожительницам

каких-то пару месяцев назад она бы продала в рабство родную бабушку, чтобы заполучить такое пригла-

шение, и вот уже ведет себя, как испорченная примадонна, не так давно приказала своему помрежу, когда они остались в репетиционной комнате вдвоем, принести ей латте с карамелью

как я устала, сорвалась на фальцет Симона, намекая на то, что Амма ее совсем заездила

надо ли добавлять, что она сразу поставила крошку Симону на место

крошку Симону Стивенсон, полагавшую, что если ее сразу после драматической школы пригласили в Национальный театр, то завтра она покорит Голливуд

жизнь откроет ей глаза

и довольно скоро

в такие минуты Амме очень не хватает Доминик, которая давно отчалила в Америку

а могли бы вместе отметить звездный час ее карьеры они познакомились в восьмидесятых на пробах художественного фильма, действие которого происходило в женской тюрьме (а в чем еще сниматься?)

обе были разочарованы, когда им предложили на выбор роль рабыни, служанки, проститутки, няньки или преступницы

и того не дали

они честили свою судьбу в голимой кафешке в Сохо, поедая жареное яйцо с беконом, засунутые между двумя кусками сырого белого хлеба, и запивая крепким чаем, а за окном занимались своим делом уличные проститутки

это было задолго до того, как Сохо превратится в модную колонию геев

ты на меня посмотри! — сказала Доминик, и Амма посмотрела — в ней не было ничего от служанки, мамы или преступницы

суперклассная, красotka, выше многих, стройнее многих, рельефные скулы, глаза с поволокой и густые темные ресницы, реально бросающие тени на лицо

вся в коже, короткостриженная, если не считать зачесанной набок черной бахромки, катается по городу на разбитом старом мотоцикле, который сейчас прикован цепью

они что, не видят живую богиню? — выкрикивает Доминик и, с вызывающим жестом прилизав свою черную бахромку, принимает знойную позу, и все головы поворачиваются в ее сторону

Амма была ниже ростом, с африканскими бедрами и ляжками

идеальная рабыня, сказал ей один режиссер, когда она пришла на пробы в пьесе о женской эмансипации как пришла, так и ушла

а в случае с Доминик, когда та пришла попробоваться в викторианской драме, ассистент по кастингу сказал ей, что она напрасно тратит его время, поскольку тогда в Великобритании вообще не было черных

были, отрезала она, назвала его невеждой и удалилась да еще хлопнула дверью

в лице Доминик Амма нашла родственную душу, и вместе они многим давали пинка под зад

а в результате оставались без работы

в тот день они перешли в местный паб, где продолжили разговор и еще добавили винишка

Доминик родилась в Бристолe, в районе Сент-Пол, от афро-гайанской матери Сесилии, потомка рабов, и индо-гайанского отца Уинтли, чьи предки были независимыми чернорабочими в Калькутте

она была старшей из десяти детей, выглядевших скорее чернокожими, чем азиатами, и таковыми себя счи-

тавших, тем более что их отец ассоциировал себя с афро-караибскими, с которыми он вместе вырос, а не с индейцами, сравнительно недавно перебравшимися в Англию

Доминик еще в пубертатном возрасте смекнула о своих сексуальных предпочтениях, но мудро держала свои догадки при себе, не будучи уверенной, как ее друзья и семья на это отреагируют, и не желая стать социальным изгоем

пару раз она попробовала с парнями

им понравилось

она терпела

в шестнадцать лет, мечтая о карьере актрисы, она приехала в Лондон, жители которого публично гордились тем, что они аутсайдеры

она спала на набережной под арками и на ступеньках магазинов на Стрэнде, а когда ей задавали вопросы в жилищной ассоциации для черных, она вралась со слезами на глазах, что сбежала от отцовских побоев

инспектора по предоставлению муниципального жилья, уроженца Ямайки, это не впечатлило, ну бил тебя, и что?

тогда она повысила градус до сексуального насилия и получила спасительный угол в хостеле, а спустя полтора года, после недели слезных звонков в службу по квартирному обеспечению, она получила однокомнатную квартиру в небольшом квартале пятидесятых годов в Блумсбери

мне пришлось пойти на это, сказала она тогда Амме, да, не самый красивый поступок, но никто же не пострадал, мой отец никогда не узнает

она задалась целью просветиться по части «черной» истории, культуры, политики, феминизма и открыла для себя в Лондоне альтернативные книжные лавки

захаживала в магазин «Сестринская община» в Ислингтоне, где автором каждой книжки была женщина, и читала запоем; она не могла себе позволить ничего купить, поэтому одолела на ногах еженедельные выпуски «Домашних девочек: антологии черных феминисток», а также все произведения Одри Лорд, какие только попались ей на глаза

владельцы книжных лавок, похоже, не имели ничего против

когда меня, уже политизированную, приняли в совершенно традиционную драматическую школу, я там устраивала разборки по каждому поводу, Амма

единственная чернокожая во всей школе

она желала знать, почему мужские роли в шекспировских пьесах не могут исполняться женщинами, не говоря уже о межрасовом кастинге; она кричала на режиссера, а остальные студенты, включая девушек, помалкивали

я тогда поняла, что рассчитывать могу только на себя

* * *

на следующий день директриса отвела меня в сторону

ты здесь как будущая актриса, а не политик
если будешь и дальше мутить воду, тебе придется уйти

считай, что тебя, Доминик, предупредили

ясное дело, вступила Амма: закрой рот или тебя вышвырнут

а мне боевой дух достался от отца Квабены, журналиста, выступавшего за независимость Ганы

в один прекрасный день он узнал, что его собирают-
арестовать за подстрекательство, тогда он быстро пе-
ребрался сюда и устроился рабочим на железной доро-
ге, а с моей будущей матерью познакомился на станции
«Лондонский мост»

он тогда уже работал контролером, а она в офисе над
главным вестибюлем

он сделал все, чтобы проверить у нее билет, а она
сделала все, чтобы покинуть вагон последней и переки-
нуться с ним несколькими словечками

моя мама Хелен, полукровка, родилась в Шотландии
в тридцать пятом

ее отец, нигерийский студент, исчез, как только окон-
чил Университет Абердина

даже не попрощался

спустя годы ее мать узнала, что он вернулся к жене
и детям в Нигерии

она даже не подозревала, что у него есть семья

хотя мама была не единственной метиской в Абердине
тридцатых и сороковых годов, ей одной из немногих
дали это почувствовать

она бросила школу и поступила в колледж делопро-
изводства, а потом рванула в Лондон, туда как раз стали
приезжать африканцы на учебу и на заработки

мама ходила на танцы и по клубам в Сохо, и муж-
чинам нравились ее более светлая кожа и распущенные
волосы

она считала себя дурнушкой, пока африканцы ее не
переубедили

видела бы ты ее тогда

нечто среднее между Леной Хорн и Дороти Данд-
ридж

та еще дурнушка

Девушка, женщина, иная

мама рассчитывала провести их первое свидание в кино, а после в своем любимом Африканском клубе здесь, в Сохо, она сделала достаточно намеков на то, что любит танцевать под хайлайф и западноафриканский джаз

вместо этого он ее повел на собрание социалистов в задней комнате паба «Слон и замок»

где мужики накачивались пивом и толковали о независимой политике

она старалась изобразить интерес под впечатлением от его интеллекта

а на него, я полагаю, произвело впечатление ее молчаливое согласие

они поженились и переехали в Пекхэм

я была их последним ребенком и первой дочкой, пояснила Амма, выпуская сигаретный дым в насквозь прокуренной комнате

три моих старших брата стали юристами и врачом, они послушно следовали ожиданиям нашего отца, тогда как я не испытывала никакого давления

его интересовали только мое замужество и будущие внуки

он считал, что моя актерская карьера — это временное хобби, пока я не вышла замуж и не родила

наш папа социалист, верящий в то, что революция улучшит жизнь всего человечества

буквально

я говорю маме, что она вышла за патриарха

а она мне: Амма, посмотри на это под другим углом: твой отец родился мальчиком в Гане двадцатых годов, а ты девочкой в Лондоне шестидесятых

ты это к чему?